

УДК 940.5(430)

О.Г. Субботин

Бавария и рейх: «федеративный конфликт» 1923–1924 гг.

В истории Веймарской республики 1923 г. ассоциируется с периодом серьезных испытаний, поставивших под угрозу единство и целостность немецкого государства. Одним из них стал конфликт Баварии и рейха.

Высокая степень автономии, которая «в своем правовом выражении» намного превосходила качественный уровень взаимоотношений центра с остальными субъектами рейха, являлась признаком особого статуса Баварии в бытность Германской империи [1]. Снискав себе «славу» отчаянного защитника «федеративной идеи», «замешанной» на баварском партикуляризме и скрытой неприязни прусской гегемонии, Мюнхен ревностно относился к любым посягательствам на «собственный суверенитет». Поэтому не было ничего удивительного в том, что с принятием Веймарской конституции, существенно ограничивавшей права немецких земель и предоставлявшей рейху реальные конституционные возможности на пути дальнейшей централизации Германии, отношения между Берлином и Мюнхеном перешли в стадию острых конфликтов. Такие лозунги, как «Федеративный реванш» и «Защита конституционных прав и самобытности немецких земель», на долгие годы стали лейтмотивом деятельности политического руководства Баварии. При этом основные противоречия между центром и регионом затрагивали, по меньшей мере, три сферы: финансовую политику, экономику и «чрезвычайное право» [1, s. 70].

С начала 1923 г. в Баварии наблюдается процесс резкого обострения внутривнутриполитической обстановки. Находившаяся у власти правоцентристская правительственная коалиция в составе БНП (Баварская народная партия), НННП (Немецкая национальная народная партия), ННП (Немецкая народная партия) и БКС (Баварский крестьянский союз) испытывала постоянное давление со

---

* В Веймарской республике Берлин выполнял функции двух столиц: рейха и Пруссии. В нашем случае под Берлином подразумевается его федеральный статус.

стороны как левых (СДПГ и КПГ), так и представленных внепарламентскими объединениями правых сил [2]. На территории земли действовали многочисленные организации, не признававшие республиканской системы и руководившиеся национально-консервативными, монархическими и федеративными целями. К числу таковых относились: «Союз Баварии и рейха», Союзы «Оберланд», «Унтерланд», «Рейхсфлагге», «Викинг», патриотические союзы Мюнхена (под руководством А. Целлера), молодежный немецкий орден «Юнгдо» и др. [2, s. 313–314]. Растущее влияние в регионе (особенно в Мюнхене и сельскохозяйственных районах Баварии) приобретала НСДАП, лидер которой А. Гитлер открыто призывал «покончить с парламентским надувательством» и «установить национальную диктатуру» [3]. В начале 1923 г. ряд вышеперечисленных союзов, включая НСДАП, объединился в «Рабочее сообщество боевых патриотических союзов» на почве «истинного» федерализма, а также неприятия «парламентской системы» и политики правительства Е. фон Книллинга [2, s. 317]. Ситуация обострялась. Росло противостояние «левых» и «правых». 11 мая вследствие спровоцированных в Мюнхене экстремистами первомайских беспорядков и ввиду очевидного политического кризиса в Баварии было издано чрезвычайное постановление. На территории земли устанавливалась предварительная цензура, существенно ограничивалась свобода собраний, предусматривалась регламентация деятельности политических объединений и партий, вплоть до их закрытия [2, s. 321]. К военным преступлениям приравнивалось любое сотрудничество с оккупационными властями. Последнее решение объяснялось активностью сепаратистов в баварском Пфальце.

Мероприятия чрезвычайного порядка оказались своевременными, однако, нормализации общественных отношений так и не последовало. Многие лидеры праворадикалов тесно контактировали с видными политиками и военными, среди которых следует назвать генерала Людендорфа, бывшего главу мюнхенской полиции Пенера, экс-министра юстиции Баварии Рота, а также подполковника Крибеля, обеспечивавшего вместе с Ремом связь с рейхсвером.

В земле начался процесс перехода буржуазной прессы в лагерь партикулярно настроенных патриотических объединений. Так что к сентябрю, отмечает немецкий историк Э. Р. Хубер, противоречия между радикальным и умеренным крылом в стане правых потеряли свою прежнюю остроту; они проявляли все большее единодушие в оценке политического курса правительства Густава Штрэземана [2, s. 343]. По словам вюртембергского посланника в Мюнхене К. фон Фильзека, «опасения перед берлинским хаосом неизменно вызывало здесь стремление спасти все то, что еще можно было спасти» [4].

Впрочем, не только внутривнутриполитический курс имперского кабинета породил общественное недовольство. Внешняя политика Германии также являлась объектом острой критики. Отказ от «пассивного сопротивления» в сентябре 1923 г. был расценен значительной частью общества, и в особенности его националистическими кругами, не иначе как проявление слабости государства, как акт предательства со стороны берлинской правящей элиты. Все отчетливее звучали призывы к смене власти. Так, «Немецкий боевой союз» во главе с А. Гитлером взял курс на ликвидацию «последствий революции» и ее влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны.

26 сентября в Баварии было издано очередное чрезвычайное распоряжение «стабилизационного характера». Вся полнота исполнительной власти передавалась в руки давнего оппонента рейха – Густава фон Кара, назначение которого на должность генерального комиссара вызвало в Берлине реакцию, близкую к шоку [5]. В фигуре монархиста Кара центр видел, и надо сказать не без оснований, реальную опасность установления региональной диктатуры. Впрочем, перспектива открытой конфронтации устраивала Берлин

еще в меньшей степени. В отличие от Саксонии, подвергнувшейся экзекуции, политический вес Баварии был куда весомее, и любые силовые акции по отношению к ней могли иметь непредсказуемый результат

Решить проблемы внутривнутриполитического порядка, в том числе и «баварскую», рейх рассчитывал с помощью «чрезвычайного положения», введенного в Германии 26 сентября 1923 г. на основании «Закона о защите республики» президентом Ф. Эбертом [5, s. 322–323]. Теоретически такой шаг открывал путь к урегулированию ситуации в правовом ключе. В реальности же, сосредоточив в своих руках обширные исполнительные полномочия, Кар лишил Берлин возможности «правового маневрирования». В изданном им 29 сентября 1923 г. «административном приказе» органам полиции и правосудия Баварии предписывалось руководствоваться в своей деятельности исключительно местным законодательством [5, s. 340–341], что, по мнению Э.Р. Хубера, объяснялось стремлением Мюнхена приостановить или направить в «нужное русло» судебные процессы, проходившие над близкими Книллингу и Кару патриотическими организациями [2, s. 366–367].

Наличие двух чрезвычайных положений, действовавших одновременно, создавало для политиков очевидную дилемму: в то время как президент Германии использовал свою власть в целях защиты парламентско-демократической системы, баварский комиссар не скрывал стремления к «депарламентаризации государства и пересмотру положений Веймарской конституции» [2, s. 350]. Тем не менее, вариант силового решения проблемы по-прежнему рассматривался как крайняя мера.

Существенным моментом, осложнявшим ситуацию, можно считать и т.н. «военно-стратегический фактор». Речь шла не только о формированиях полувойска, действовавших на территории Баварии и готовых к отражению «атаки извне» (в расчет бралась возможность экзекуции), но и о баварских частях рейхсвера, лояльность командующего которых центральному правительству – военного коменданта Баварии и главкома 7 (баварского) военного округа – генерал-лейтенанта фон Лоссова была весьма относительной. Именно вокруг фигуры Лоссова разразился очередной (третий с момента основания Веймарской республики) конфликт Баварии и рейха. Поводом для него стала провокационная статья «Диктаторы Штреземан – Сект», опубликованная 27 сентября 1923 г. в газете «Фелькишер Беобахтер». Попытки министра обороны Гесслера закрыть издание (решение данного вопроса поручалось Лоссову) не принесли ощутимого результата; выход газеты был приостановлен лишь на период с 4 по 14 октября [5, s. 341]. Отказ подчиняться приказам из центра Лоссов, координировавший все свои действия с Каром, объяснял нежеланием вовлекать рейхсвер в политические распри [5, s. 342–344]. Таким образом, имело место прямое нарушение воинской дисциплины.

9 октября генерал фон Сект – как лицо ответственное за поддержание порядка в войсках – призвал Лоссова, «бросившего тень на единство и дисциплину рейхсвера», добровольно уйти в отставку [5, s. 344–345]. Однако и на этот раз военный комендант Баварии не считал нужным реагировать «должным образом». Мало того, баварский министр-президент предупредил рейх о серьезных последствиях, которые могли повлечь за собой отстранение от должности «опального» генерала. Основываясь на праве непосредственного участия правительства Баварии в назначении командующего баварским военным округом, Мюнхен встал на защиту Лоссова. В адресованном Штреземану письме Книллинг выразил надежду на взаимопонимание сторон и обратился к канцлеру с призывом «предотвратить необдуманные действия министра обороны» на стадии, когда «ситуация еще находилась под контролем» [5, s. 345–349]. Тем не менее, 19 октября Штреземан сообщил членам своего кабинета об освобождении Лоссова от всех занимаемых им постов до 31 декабря 1923 г. Исполнять обязанности командующего 7 военным округом

было поручено генерал-майору фон Крессу [6]. В ответ правительство Баварии прекратило служебные отношения с министерством обороны, в одностороннем порядке утвердило Лоссова в его прежних должностях, а баварская дивизия присягнула на верность конституции Баварии [5, s. 357–358]. Действия Мюнхена шли вразрез с конституционно-правовыми обязательствами субъекта по отношению к федерации и потому 22 октября в распоряжении главы Генерального штаба были квалифицированы как незаконные. Тем не менее, руководство земли, по наблюдениям Фильзека, демонстрировало решительность в деле защиты Лоссова невзирая на возможные последствия [4, s. 137].

Пытаясь перехватить политическую инициативу, правительство Штреземана предприняло ряд ответных шагов. В официальном обращении к населению страны звучал призыв к единству и спокойствию [5, s. 358–359]. Кроме того, кабинет заручился поддержкой земель, представители которых собрались 24 октября в столице Германии на экстренное совещание [5, s. 362; 6]. Было бы ошибкой утверждать, что значительно урезанные после революции в своих компетенциях земли не симпатизировали «борьбе» Мюнхена за права «немецких племен». Однако те методы, которыми пыталась действовать политическая элита Баварии, добиваясь децентрализации государственной системы, явно выходили за рамки конституционно-правовых норм и были не приемлемы для абсолютного большинства региональных политиков [7].

31 октября через баварского посланника в Берлине Риттера фон Прегера имперскому кабинету было передано уведомление. Оно гласило, что принятие окончательного решения по ситуации вокруг частей рейхсвера в 7 военном округе целиком и полностью находится в компетенции правительственной коалиции земли [5, s. 362]. Ситуация накалялась и трудно сказать, каков был бы ее исход, не предпринимай Гитлер 8/9 ноября в Мюнхене попытку государственного переворота. 8 ноября президент Эберт возложил на начальника Генерального штаба Секта командование рейхсвером, а также всю полноту исполнительной власти в стране. В качестве возможного варианта решения «баварской проблемы» рассматривался «силовой сценарий». Однако, напуганные путчем местные власти заботились теперь не столько «перманентный федеративный конфликт», сколько преодоление «внезапно» разразившегося внутривнутриполитического кризиса. Распоряжениями Кара на территории земли вводились военно-полевые суды, а также запрещалась деятельность НСДАП, Союзов «Оберланд» и «Рейхскригсфлагге». 11 ноября в правобережной рейнской Баварии была запрещена и распущена КПГ, закрыты принадлежавшие СДПГ и КПГ газеты и журналы [2, s. 417–418]. В течение нескольких дней ситуацию в земле удалось стабилизировать. В то же время усилия Кара объединить правые силы под знамена баварского национального движения уже не приносили успеха, а его претензии на верховную власть в земле многими расценивались не иначе как диктаторские. 13 ноября 1923 г. имперский посланник в Мюнхене Ханиель сообщал о трениях, существовавших в стенах баварского кабинета. Книллинг критиковал «комедию», разыгранную Лоссовым и Каром, и все объяснения последнего о непричастности к планам установления диктатуры считал «формальными» [8].

Анализируя отношения между Баварией и рейхом в начале 1920-х гг., необходимо отметить, что существовавшие противоречия, вопреки слабости «республиканско-демократической субстанции» и напрямую связанным с ней политическим и идеологическим разногласиям, уходили своими корнями в т.н. «федеративный вопрос», в основе которого лежало различное восприятие и толкование конституционно-правовых норм, а также категорическое несогласие Мюнхена с темпами, способами и объемами проводимой в стране централизации. Еще в разгар осеннего кризиса ННП и БНП выступили с призывом реформировать федеративные отношения. Свои претензии руководство

Баварии изложило в памятной записке «К ревизии Веймарской имперской конституции» (январь 1924 г.), главный акцент в которой был сделан на федеративном характере Германии и необходимости более четкой регламентации взаимоотношений рейха и земель. В частности, для субъектов были потребованы: конституционная автономия, гарантии защиты от имперского «конституционного произвола», уравнивание «чрезвычайного права» земель с аналогичным правом рейха, предоставление отдельным немецким государствам возможности заключать международные договоры по предметам, относящимся к компетенции регионального законодательства, повышение конституционно-правового статуса органа представительства немецких земель – рейхсрата, замена названия «земли» на «союзные государства» [9–11]. Мюнхен претендовал также на особый статус в военной сфере.

Памятная записка, с появлением которой, как считал немецкий историк Герхард Шульц, началась политическая атака Баварии на рейх, имела большой общественный резонанс [12]. В сущности, баварские требования означали возврат к основам государственно-правового устройства Германской империи. Некоторые из них нашли понимание и поддержку у определенной части имперского правительства. Тем не менее, рейх отверг претензии на реформирование конституционно-правовой системы, но, в то же время, выразил готовность продолжать диалог с землями по проблеме совершенствования федеративного законодательства

18 февраля 1924 г. Мюнхен и Берлин подписали «Гамбургские соглашения», содержание которых частично отвечало требованиям памятной записки. Бавария получила право широкого участия в решении вопросов, связанных с назначением и отзывом военных комендантов, а также использованием баварского воинского контингента за пределами ее территории. Присяга дислоцированных в Баварии частей рейхсвера должна была в будущем приниматься не только на верность Веймарской, но и баварской конституции [11, s. 177]. Кроме того, в результате достигнутых в мае 1924 г. между баварским министром внутренних дел и главой соответствующего рейхсминистерства договоренностей Бавария была «избавлена» от имперского контроля и возможной перспективы имперского вмешательства в ее внутреннюю политику. Взамен рейхскомиссар по надзору за общественным порядком должен был регулярно получать от полицейских департаментов в Мюнхене и Нюрнберге/Фюрте сводки о ситуации в земле [6, s. 447].

Уступки в адрес Мюнхена стали слабым утешением для «федералистов» И все же политические перемены в руководстве земли (в начале 1924 г. Кар и Лоссов вынуждены были уйти в отставку) и подписание «Гамбургских соглашений» ознаменовали собой завершение периода острых двусторонних конфликтов сопровождавших Веймарскую республику на стадии ее становления. Тактика открытого противостояния и силового нажима по отношению к рейху исчерпала себя. Бавария становилась на путь политической обструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Zimmermann W.G.** Bayern und Reich: 1918–1923. Der bayerische Federalismus zwischen Revolution und Reaktion. – Munchen, 1953. – S. 69.
2. **Huber E.R.** Deutsche Verfassungsgeschichte seit dem 1789. Bd. VII: Ausbau, Schutz und Untergang der Weimarer Republik. – Stuttgart, 1984. – S. 311.
3. **Akten der Reichskanzlei**, Bundesarchiv Koblenz (BAK). R 43 I / 2218. – S. 248.
4. **Politik in Bayern 1919–1933**. Berichte des Wurttembergischen Gesandten C. Moser von Filseck. Hrsg. und komm. von W. Benz. – Stuttgart, 1971. – S. 129.
5. **Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte**. Dokumente der Novemberrevolution und der Weimarer Republik 1918–1933. Hrsg. von E.R. Huber. Stuttgart (u.a.), 1966. – S. 330–339.
6. **Schulz G.** Zwischen Demokratie und Diktatur. Bd. I: Die Periode der Konsolidierung und der Revision der Bismarckschen Reichsaufbaus 1919–1930. – Berlin, 1960. – S. 434–435
7. **«Das amtliche Communique»**, Vossische Zeitung, 25.10.1923
8. **Akten der Reichskanzlei**, BAK. R 43 I / 2218. – S. 308–309.

9. «**Zur Revision der Weimarer Reichsverfassung**» // BAK. R 43 I / 1877. – S. 95–129.
10. **Biewer L.** Reichsreformbestrebungen in der Weimarer Republik. – Frankfurt a.-M., 1980. – S. 71–72.
11. **Heimers M.P.** Unitarismus und suddeutsches Selbstbewußtsein: Weimarer Koalition und SPD in Baden in der Reichsreformdiskussion 1918–1933. – Dusseldorf, 1992. – S. 181.
12. **Deuerlein E.** Föderalismus: Die historischen und philosophischen Grundlagen des föderativen Prinzips. – München, 1972. – S. 174

S U M M A R Y

The relations between Bavaria and Reich are the inseparable part of the history of German federalism. The article is devoted to the Bavaria-Reich conflict of 1923 the essence of which was directly connected with the solution of the federal question.